

Глава 7. Чёрная роза 06

Чэнь Шаньвань не придавал этому особого значения и прямо поднялся наверх.

Снаружи шумел дождь, и Чэнь Шаньваню захотелось спать, поэтому, он умылся и лёг в постель.

Он задернул шторы, поэтому в комнате было довольно темно.

Спокойное спящее лицо Чэнь Шаньваня было лишено той энергии, которая должна быть у молодого человека восемнадцати лет, а его тихое дыхание выдавало хрупкость.

«Он» всегда считал людей хрупкими существами, а Чэнь Шаньвань был особенно хрупким среди них.

Засушенная роза, стоявшая в вазе из голографической бумаги, излучала несвойственный ей блеск, та самая безжизненная чёрная роза постепенно преображалась, словно феникс, возрождающийся из пепла, и в одно мгновение она ожила, наполнившись жизненной силой.

Опутывавшие стебель чёрной розы шипы, также засохшие до состояния, будто их можно раскрошить в пыль лёгким прикосновением, незаметно высунулись из вазы.

Они изо всех сил тянулись вперёд, словно желая до чего-то достать, отчаянно устремляясь в сторону Чэнь Шаньваня.

В комнате витал насыщенный аромат смеси влажной земли и травы после дождя, но в нём также ощущалась лёгкая странная сладость, невольно наводящая на мысли о чём-то тёмном, подземном и недобром.

Например, о гробах.

В конечном итоге шипам удалось дотянуться лишь до одного волоска Чэнь Шаньваня, и они осмелились коснуться только этого одного волоска.

Потому что время ещё не пришло.

Одурманивающий аромат, созданный из пепла «Его» костей, смешанного с кровью, дабы

затуманить рассудок, ещё не проник в Чэнь Шаньваня, пока он был лишь на поверхности, нужно подождать, пока они, или, точнее, пока «Он» полностью не захватит нервы, разум и душу Чэнь Шаньваня, а на физическом уровне — от кожи и плоти до костей и даже костного мозга.

Тогда ядовитый цветок постепенно расцветёт в его сердце.

И «Он» сможет заполучить прекрасный, соблазнительный цветок.

Один шип разрезал тот волосок, а поднявшийся лёгкий ветерок как раз подул в сторону вазы, и шипы стремительно подхватили его, с такой скоростью, что можно было увидеть лишь после образ.

Они отступили обратно в вазу, обвили короткий волосок своим «телом», с жадностью и осторожностью потирая его, но в момент удовлетворения возникла лишь ещё большая пустота.

Этот один волосок действительно облегчил «Его» состояние, словно долгая засуха встретила долгожданный дождь, связав и заперев «Его» взволнованные клетки и все непокорные элементы, больше не вызывая беспокойства.

Но слишком истощённая, потрескавшаяся земля не может быть спасена несколькими каплями дождя.

Мало мало мало мало мало мало мало мало...

Категорически недостаточно...

Хочется больше больше больше больше... больше вещей, связанных с ним, принадлежащих ему.

Оно, или, точнее, «Он», как одержимый, крепко обвивал тот волосок, шипы яростно опутывали стебель, хотя и росли из одного корня, шипы царапали кожицу стебля до ужасного состояния.

Прямо как «Он» наверху.

«Его» руки в чёрных кожаных перчатках без остановки царапали через одежду «Его» руки и грудь, вся та жажда по Чэнь Шаньваню превратилась в зуд, захвативший весь «Его» рассудок.

«Он» вёл себя как психически больной, с силой сдирая с себя едва отросшую плоть, чёрная кровь просачивалась сквозь чёрную одежду, капая на деревянный пол, образуя уродливую, греховную слизь.

Всего один волосок Чэнь Шаньваня заставил все «Его» конечности «ожить», все мёртвые клетки тела бешено запрыгали от радости, сделав «Его» душу ещё более извращённой и безумной.

«Он» чувствовал, как в «Его» пустой грудной клетке снова начало что-то биться, «Он» прижался к полу, руки в чёрных кожаных перчатках истошно царапали пол, как кот, а может, как чудовище.

«Он» крепко прижимался к полу, а в голове крутилось только одно имя.

Чэнь Шаньвань Чэнь Шаньвань Чэнь Шаньвань Чэнь Шаньвань Чэнь Шаньвань Чэнь Шаньвань
Чэнь Шаньвань Чэнь Шаньвань...

«Он» был так близко к нему, он был прямо внизу, на расстоянии менее двух метров.

Но «Он» также был так далеко от него. Потому что, хотя расстояние было менее двух метров, «Он» не мог прикоснуться к нему.

«Его» грудная клетка резко вздыбилась, тёмные, безжизненные зрачки были ледяными, но при этом неистово пылкими.

*

Чэнь Шаньваню снова приснился сон.

Ему приснилось, как в пять лет в приют привезли нового ребёнка.

Тот ребёнок был старше, и ему следовало называть его старшим братом.

Старший брат был очень красивым, самым красивым человеком, которого он когда-либо видел.

У него был высокий нос, тонкие губы, чёткая линия подбородка, что делало его худощавым.

На нём была простая белая одежда, а худые запястья и лодыжки выглядели так, будто их можно было легко сломать, директор, держа их, восклицала, какой бедный ребёнок.

Он был очень-очень бледным, Чэнь Шаньвань раньше думал, что это он был здесь самым бледным, но после его прихода он понял, что значит описание в книге «белый как бумага».

Температура его тела также была низкой, так что было очень приятно прислоняться к нему летом.

Чэнь Шаньвань втихую держал его костлявую руку, которая была особенно прохладная.

Но старший брат не разговаривал, а его глаза были замотаны тканью.

Он был похож на безжизненную куклу, покорную, чтобы с ней не делали.

Чэнь Шаньвань помнил, как директор сказала, что увидела его сидящим у входа в их приют, когда выходила, и предположила, что это, наверное, ещё один брошенный ребёнок.

Она сообщила в полицию, но камеры видеонаблюдения у входа в приют, к несчастью, сломались пару дней назад, поэтому невозможно было выяснить, кто именно подбросил ребёнка.

Она также сказала всем детям, чтобы они не снимали повязку с его глаз, так как это может навредить ему.

Чэнь Шаньвань был очень послушным, поэтому, проводив директора со старшим братом в спальню — в ту же, где жил сам, он не сделал ничего лишнего.

А старший брат просто сидел на кровати в оцепенении, ничего не делая.

Чэнь Шаньвань подумал, что он похож на сестру Кэкэ. Сестра Кэкэ тоже была такой, не разговаривала, и могла хоть целый день смотреть на стену, а когда директор кормила её, она забывала открыть рот, чтобы поесть.

Поэтому сестра Кэкэ была очень худой.

Но этот старший брат был несколько иным.

Когда директор купила молочные конфеты и раздала им, Чэнь Шаньвань развернув обёртку за него и поднеся ко рту, он открыл рот и взял конфету.

Его алый кончик языка также коснулся белой нежной стороны пальца Чэнь Шаньваня. Было влажно, но очень прохладно, совсем без присущего человеку тепла, отчего Чэнь Шаньвань невольно отдёргнул руку.

А после этого старший брат начал к нему привязываться.

Пятилетний Чэнь Шаньвань по сравнению с другими детьми своего возраста был уже очень сознательным, и помогал директору во многих делах. У этого старшего брата было много общего с сестрой Кэкэ, например, он не мог есть самостоятельно, и когда директор кормила

его, он тоже не открывал рот.

Но в тот день Чэнь Шаньвань поведив глазами, зачерпнул ложкой нелюбимые помидоры из своей тарелки, и поднёс к его рту, а тот открыл рот и съел с ложки, которую использовал Чэнь Шаньвань.

С тех пор завтрак, обед и ужин старшего брата всегда был на Чэнь Шаньване.

Директор чувствовала себя очень виноватой, ведь Чэнь Шаньваню было всего пять лет, дети в других семьях в этом возрасте сами получали заботу, а Чэнь Шаньвань ещё должен был заботиться о брате старше себя.

Но Чэнь Шаньвань был очень рад.

Казалось, он наконец нашёл своё предназначение, с радостью взяв на себя ответственность за кормление старшего брата.

Но старший брат пробыл в приюте меньше месяца и исчез.

В памяти Чэнь Шаньваня, однажды утром он проснулся и не увидел старшего брата. От директора он узнал, что старшего брата забрала его семья. Они сказали, что его не бросали, и он просто потерялся.

Однако сейчас во сне Чэнь Шаньвань увидел, как старший брат сидит на краю кровати, и ему жуть как захотелось снять повязку с его глаз.

В тот миг, когда его рука протянулась, маленькая рука, казалось, превратилась в большую, а кончики пальцев только коснулись повязки, как та мгновенно исчезла.

Старший брат открыл глаза.

Это были пустые глаза, только глазницы без глазных яблок, просто два тёмных отверстия, которые прямо-таки напугали Чэнь Шаньваня, заставив его отступить на два шага.

Чэнь Шаньвань снова резко проснулся ото сна.

Вообще-то его такое не пугало, но дыхание почему-то участилось, а сердце словно было подвешено на невидимых нитях. Необъяснимая паника распространилась в его душе, захватив голову.

Какие-то нервы хотели подать сигнал тревоги, но у него почему-то ужасно разболелась голова,

он нахмурился, повернул голову, инстинктивно прищурившись, и зрение от этого стало расплывчатым.

Ему почудилось, будто что-то шевелится, а может, ему просто показалось.

Чэнь Шаньвань закрыл глаза, и только спустя некоторое время, его отпустило.

Он сам не знал, что с ним, но с детства у него было слабое здоровье. Возможно, он простудился, а возможно, в последние дни было слишком жарко, и «жаркий яд» скопился в его теле не найдя выхода.

Поэтому Чэнь Шаньвань решил спуститься вниз и приготовить клубничный молочный коктейль, а заодно предложить коктейль и ТОМУ наверху.

Но когда он положил карточку с вопросом на платформу и нажал кнопку, раздался звук работы механизма, но подъёмная платформа не только не двигалась, но и издала глухой звук, будто шестерёнки заклинило.

Чэнь Шаньвань замер, у него появилось плохое предчувствие.

Неужели так и получилось?

Он только утром беспокоился, что делать, если эта штука сломается, и вот она действительно сломалась.

Чэнь Шаньвань промолчал.

Он открыл телефон, в чате с Юй Синь всё ещё был его ответ, что сейчас всё в порядке, а вот Юй Синь ему больше не отвечала.

Поскольку дело было серьёзное, ведь это касалось живота ТОГО наверху, Чэнь Шаньвань позвонил ей.

Телефон звонил до самого конца, но никто не ответил, долгие гудки «ту—» «ту—» «ту—» разносились по комнате с минутой, ещё и отдаваясь эхом.

Чэнь Шаньвань нахмурился, подумав, что, возможно, она развлекается, поэтому не слышит, но только вот было неизвестно, когда же услышит.

Это была настоящая проблема.

И в это время в особняке внезапно раздался далёкий звон колокольчика.

Звучало как ручной колокольчик, с некоторой неопишуемой старомодностью. Дилиньканье было таким чётким и звонким, что даже при том что оно доносилось с третьего этажа, Чэнь Шаньвань на мгновение почувствовал, будто колокольчик звенел прямо у его уха.

Чэнь Шаньвань вспомнил карточку, которую ТОТ наверху ему сегодня отправлял.

Звон колокольчика означает, что его ищут.

Чэнь Шаньвань в нерешительности подошёл к лестнице. Он поднялся на второй этаж, смотря на лестницу, ведущую на третий, и попробовал громко дважды крикнуть:

— Господин!

Но колокольчик всё продолжал звенеть, заглушая его голос.

В тот миг у Чэнь Шаньваня даже возникло ощущение, что это погребальный звон.

ТОТ наверху не переставал звонить, а уши Чэнь Шаньваня не выдерживали такого шума, к тому же он несколько раз уже звонил Юй Синь, но та не отвечала.

У него не было номера Ю Мина, так что у него оставалось только два варианта.

Либо проигнорировать, либо подняться наверх.

<http://bllate.org/book/12897/1133579>